

Еще раз о новгородской берестяной грамоте № 724

Once Again on the Novgorod Birchbark Letter No. 724

**Алексей Алексеевич
Гиппиус**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа
экономики” / Институт
славяноведения РАН (Москва)

Aleksey A. Gippius

National Research University Higher
School of Economics / Institute for Slavic
Studies of the Russian Academy of
Sciences (Moscow)

Резюме

Статья содержит критический разбор альтернативных трактовок берестяной грамоты № 724, предложенных В. Л. Яниным и А. А. Зализняком (1995, 1996, 2004) и П. В. Петрухиным (2009). Автор показывает, что интерпретация издателей может быть скорректирована в свете критики П. В. Петрухина, с сохранением датировки грамоты 1161–1167 гг. и отождествления упоминаемых в ней Захарии и Андрея с новгородским посадником Захарией и суздальским князем Андреем Боголюбским.

Ключевые слова

берестяные грамоты, Великий Новгород, Суздаль, Заволочье, боярство, посадник, князь Андрей Боголюбский, древненовгородский диалект

Abstract

The article contains a critical assessment of two alternative interpretations of the birchbark letter No. 724, proposed by Valentin L. Yanin and Andrei A. Zalizniak (editors of the birchbark collection No. 10, in 2000) and by Pavel V. Petrukhin (2009). According to the former, the document, in which the author describes the difficulties of collecting tribute in the north-eastern periphery of the Novgorod Land, was written between 1161 and 1167, a date based on the identification of the names Zakharia

and Andrei mentioned in the text with the Novgorod *posadnik* Zakharia (1161–1167) and Prince Andrei Bogoliubsky of Suzdal. However, as Petrukhin has shown convincingly, the editors' treatment of the conflict does not conform to the political circumstances of this period as they are known from the chronicles. According to Petrukhin, the document was written half a century later and reflects a routine conflict between local administrators rather than a political confrontation between Novgorod and Suzdal. I argue that the editors' interpretation can be modified in light of Petrukhin's criticism; such a reinterpretation does not presuppose a re-dating of the document and retains the identification of Zakharia and Andrei with historical figures of the 1160s as well as the linguistic analysis proposed by Zalizniak.

Keywords

birchbark documents, Veliky Novgorod, Suzdal, Zavolochye, boyardom, *posadnik*, Prince Andrei Bogoliubsky, Old Novgorod dialect

Грамота № 724 — письмо “к братии и дружине” с описанием обстоятельств, в которых его автор, Савва, оказался, собирая дань в Заволочье, — общепризнанно принадлежит к числу наиболее важных в историческом и лингвистическом отношении берестяных документов. По характеристике А. А. Зализняка [ДНД₂: 353], это “самый ранний нецерковный нарративный текст, описывающий не одно-два события, а более длинную их последовательность”. Найденная на Михаилоархангельском раскопе в 1990 г. и не имеющая надежной стратиграфической даты, грамота, на основе анализа содержания, была датирована В. Л. Яниным и А. А. Зализняком 1161–1167 гг. Текст, расположенный на двух сторонах берестяного листа, неоднократно воспроизводился и комментировался; ниже он приводится вместе с переводом по 2-му изданию книги А. А. Зализняка “Древненовгородский диалект”:

Внешняя сторона:

Ї савъ поклананеє къ братѣи и дрѹжинѣ оста-
 вили ма бѹли людѣ да остатъ дани испра-
 вѣти бѹло имъ досени а по первомъ пѹти
 послати и отъбѣти проче · и заславъ зах-
 рѣа въ в[ѣ]рѣ зрокъ не даите савѣ ни одино-
 го песца хота на ни хъ емати самъ въ томъ
 а въ [т]омъ ми са не исправилъ въ борзѣ ни
 къ вамъ ни [т]ѹ ти бѹлъ а въ томъ есмь осталъ
 по томъ пришли смерди ѱ андрѣа мѹжь при-
 али и дане ѱ али людѣ · и осемь въсагла
 что о тѹдоре порозѹмѣите братѣе емѹ да-
 че что въ с[е] (-)емѹ състане тагота тамъ
 и съ дрѹжиною егъ ·

Внутренняя сторона:

а се[л]счаномъ своемъ къ[н]аз[ь] самъ отъ [в]олокѣ [и]
отъ [м]ъс(т)ѣ ѹчастокѣ водале ѡ[ч]е ли ти брат[ь]е
вины л[ю]дѣе на ма не ищѣ[тъ] а до[вѣд]ок[а] бѣд[е]
то же нынеца радѣ бѣхѣ послале [грам]о[тѣ]

Перевод: ‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: “Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. [Я] сам за это отвечаю (*или*: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)”. А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались (*или*: вышли из повиновения). Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его’.

Далее на обороте: ‘А сельчанам своим князь сам от Волока и от Мсты (т. е. примыкающие к ним [?]) участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту’ [ДНД₂: 350–351].

Комментарии к грамоте в [НГБ, 10; ДНД₁; ДНД₂] едины в понимании существа отраженной ею ситуации. Контуры этой ситуации, а с ними и датировка грамоты, задаются отождествлением упоминаемых в тексте Захарии и Андрея с посадником Захарией, занимавшим этот пост в 1161–1167 гг., и суздальским князем Андреем Боголюбским. Соответственно, не названный по имени князь определяется как Святослав Ростиславич, в 1161 г. во второй раз занявший новгородский стол и оставивший его в 1167 г. Ситуацию, описанную Саввой в его письме, В. Л. Янин и А. А. Зализняк рассматривают как “один из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней”, ставя ее в ряд с другими аналогичными эпизодами, описанными в [НПЛ] под 1149, 1169 и 1219 гг. В деталях предложенной издателями исторической интерпретации грамоты имеются расхождения. В частности, А. А. Зализняк рассматривает конфликт между Захарией и Саввой как проявление противоборства князя и посадника, считая Савву, ссылающегося в своем письме на князя (*князь самъ. . .*), княжеским человеком [ДНД₂: 351]. В. Л. Янин об этом не упоминает, зато подчеркивает связь Саввы с Прусской улицей как центром оппозиции посаднику Захарии и князю Святославу Ростиславичу, вступившему в политический союз с Андреем Боголюбским [НГБ, 10: 25].

Важнейшей лингвистической особенностью грамоты № 724 являются системные орфографические, фонетические и морфологические различия между основным текстом письма и текстом на обороте

(“постскриптумом”, по А. А. Зализняку), суммированные ниже в виде таблицы на основе резюме в [ДНД₂: 352]:

Параметры	Основной текст	Постскрипту
<i>Орфография</i>	книжная графическая система (с единичными отступлениями)	бытовая графическая система
<i>Состояние редуцированных</i>	последовательно позднерусское, “выглядит скорее как текст XIII в.”	почти все редуцированные на письме сохранены, “вполне соответствует нормам XII в.”
<i>Соотношение диалектных и наддиалектных черт</i>	почти нет диалектных особенностей	множество диалектизмов: нынеца, ѣчаствоке, водале, послале, отъ [М]ъс(т)ѣ

Эти различия А. А. Зализняк объясняет изменившейся орфографической и грамматической установкой автора письма. “Можно думать, что текст на обороте был написан не сразу вслед за основным текстом, а в какой-то другой момент. Если при написании основного текста автор был настроен на правильное письмо, т. е. на соблюдение книжной графики и наддиалектной морфологии, то в момент составления приписки он, очевидно, чувствовал себя более вольно” [ДНД₂: 352].

Предложенная издателями интерпретация грамоты № 724 была в ее основных моментах оспорена П. В. Петрухиным [2009]. Не видя достаточных оснований для отождествления Захарии и Андрея с посадником Захарией и Андреем Боголюбским, П. В. Петрухин иначе трактует отраженную грамотой ситуацию. Речь, как он считает, должна идти не о противостоянии Новгорода и Суздаля в Заволочье, но, “скорее, о банальной неразберихе среди ответственных за сбор дани администраторов” [там же: 125].

“Рычагом” для пересмотра устоявшейся интерпретации стало новое прочтение ключевого фрагмента грамоты: по томъ пришли смерди ѿ андрѣа мѣжь приали и дане ѿали людѣе. Согласно переводу и комментариям в изданиях [ДНД₁; ДНД₂], пришедшие смерды “приняли” “мужа” Андрея Боголюбского, то есть признали за ним право сбора дани, после чего его люди эту дань собрали, отняв у новгородского “данника” Саввы¹. Полемизируя с такой трактовкой, П. В. Петрухин предлагает считать, что глагол *прियाти* выступает в данном контексте в специальном значении ‘арестовать’, тогда как *мужь* является формой В=Р. мн. а не

¹ Слово *данник* мы употребляем здесь в том значении, какое оно имеет в древнерусских текстах: ‘сборщик дани’.

В. ед. Фрагмент, таким образом, приобретает вид: По томъ пришли смерди ѿ Аньдрѣя, мѣжь приади, и дане ѿади людье 'Потом пришли смерды от Андрея, задержали мужей и отняли дань' [Петрухин 2009: 119].

В целом ситуация грамоты представляется П. В. Петрухину следующей:

“Люди”, которым следовало собрать остаток дани, по какой-то причине этого не сделали. Затем некто Захария через своего посланника дезавуировал полномочия Саввы как сборщика дани. Не вполне ясно, кому было адресовано это послание: это могли быть местные землевладельцы, старейшины общины или администраторы. Как бы то ни было, распоряжение Захарии дошло до адресатов слишком поздно: Савва уже собрал основную часть дани. В этой ситуации (возможно, из опасений, что им придется повторно платить уже уплаченную дань) местные плательщики дани решили действовать: Андрей — по-видимому, один из людей, получивших послание Захарии, — послал к Савве смердов, которые взяли под стражу подчинявшихся ему дружинников и отобрали собранную ими дань. Далее Савва сообщает, что восьмерым из его людей — отряду под началом Тудора — удалось бежать, и просит отнестись к ним с пониманием.

Упомянутый в грамоте Андрей — либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина; вопрос о том, был ли Захария посадником или просто высокопоставленным администратором, остается открытым [Петрухин 2009: 119].

Не видя оснований связывать грамоту с событиями 1160-х гг., П. В. Петрухин склонен датировать ее более поздним временем (началом XIII в.), с чем лучше согласуется последовательно позднедревнерусское состояние редуцированных в основном тексте письма. Сохранение слабых редуцированных в приписке исследователь считает иллюзией, создаваемой эффектом скандирования. Языковые и орфографические различия между основным текстом грамоты и припиской объясняются им не сменой установки писца, а тем, что текст на обороте написан другим почерком.

Разбор этого построения начнем с последнего тезиса. По мысли П. В. Петрухина, основной текст письма был записан профессиональным писцом (возможно, даже не новгородцем), тогда как постскриптум Савва писал собственноручно. Согласиться с этим можно было бы, лишь допустив, что Савва и его писец обучались грамоте у одного и того же учителя, в деталях усвоив от него не только все основные буквенные начерки (в том числе и очень редкие и специфичные, вроде не встречающегося более в грамотах раннего периода у-образного *ч*), но также общую манеру, размер и ритм письма. Это допущение кажется совершенно искусственным, и необходимость в нем отсутствует, так как мелкие отличия палеографического характера, которые П. В. Петрухин отмечает между двумя частями грамоты, вполне объяснимы в рамках гипотезы об изменившейся установке писца. П. В. Петрухин не видит причин для

такого изменения: “ведь не изменились ни адресат письма, ни тема”. Но как раз в этом отношении грамота № 724 находит важнейшую параллель в виде грамоты № 854, которой П. В. Петрухин не упоминает: и здесь часть письма, представляющая собой дополнение к основному тексту (при сохранении адресата и темы), обнаруживает как палеографическую, так и орфографическую специфику (см. [ДНД₂: 323–324]). Объяснение эффектом скандирования сохранения слабых редуцированных в постскриптуме также выглядит надуманным: в отсутствие примеров, которые иначе, как скандированием, объяснить невозможно, предполагать в тексте наличие этого эффекта в принципе не имеет смысла: в противном случае скандирующим можно признать любой раннедревнерусский текст. Существенно также, что в свете находок последнего времени основной текст грамоты № 724 перестает быть белой вороной с точки зрения состояния редуцированных: еще более последовательно древнерусский облик имеет орфография грамот из блока Якима, написанных в интервале с 60-х по середину 90-х гг. XII в. [Зализняк, Янин 2013: 3–9]².

Представляется, таким образом, что предложенное А. А. Зализняком объяснение тройного противопоставления приписки и постскриптума (стандартная / бытовая графика; отсутствие / наличие диалектных черт в фонетике и морфологии; позднедревнерусское / раннедревнерусское состояние редуцированных) остается в силе и в пересмотре не нуждается³. Не встречается лингвистических препятствий и датировка грамоты 60-ми гг. XII в. (для П. В. Петрухина стимулом к “омоложению” грамоты является предлагаемая им трактовка формы *мужь* как В=Р мн., лучше согласующаяся с поздней датировкой, но здесь он идет на поводу у собственной гипотезы).

Сильнейшей стороной статьи П. В. Петрухина следует признать критику предложенной в издании исторической интерпретации документа в той ее части, которая касается существа отраженных грамотой

² С другой стороны, надежным “репером” в книжной письменности остается Добролюво евангелие 1164 г., в котором, как известно, проявление сильных редуцированных отражается чрезвычайно последовательно. Хотя этот кодекс, возможно, и не является типичным для второй половины XII в. по употреблению еров [Живов 2006: 35], он является памятником своего времени, и с этим нельзя не считаться.

³ Некоторой корректировки, пожалуй, требует лишь формулировка, согласно которой в момент написания постскриптума автор “чувствовал себя более вольно” и по этой причине не был настроен на соблюдение книжной графики и наддиалектной морфологии [ДНД₂: 352]. Скорее, к концу грамоты писец просто подустал, растеряв беглость и автоматизм, с которыми написан ее основной текст. Постскриптум он писал уже, медленнее проговаривая про себя слова и, соответственно, использовал более архаичную форму собственной речи, в которой еще сохранялись редуцированные. Естественными спутниками такого замедленного режима порождения текста оказываются бытовая орфография и морфологические диалектизмы.

политических конфликтов. “Получается, — пишет П. В. Петрухин [2009: 112], — что в грамоте идет речь о двух совершенно разных — и по составу участников, и по характеру, и по масштабу — конфликтах: один — внутренний, между новгородским князем и новгородским же посадником, другой — внешний, между Новгородом и Суздаlem”. Но такое понимание дела, замечает он, вступает в противоречие с датировкой грамоты временем посадничества Захарии. С одной стороны, по словам В. Л. Янина [2003: 146], “Захарья, избранный на вече в связи с победой Святослава, остается его единомышленником до конца своего посадничества”, так что говорить о противостоянии князя и посадника именно в этот период не представляется возможным. Столь же маловероятным выглядит и конфликт между Новгородом при Святославе Ростиславиче и Суздаlem при Андрее Боголюбском. “Дело в том, что Святослав был посажен на новгородский стол при непосредственном участии Андрея (см., например, [Янин 2003: 145]). Едва ли последний стал бы вероломно нападать на владения своего ставленника” [Петрухин 2009: 112]. П. В. Петрухин справедливо критикует привлечение в параллель к истории Саввы рассказа о событиях 1169 г., когда новгородские данники в Заволочье во главе с Даньславом Лазутиничем подверглись нападению суздальского отряда, посланного Андреем Боголюбским:

[В] том-то и дело, что это столкновение произошло в 1169 г., то есть после изгнания новгородцами Святослава Ростиславича. Как известно из летописи, Андрей поддержал Святослава в его попытках вновь — военным путем — утвердиться на новгородском столе. Это противостояние закончилось знаменитой битвой между новгородцами и суздальцами 25 февраля 1170 г. Все эти действия Андрея логически последовательны — в отличие от его предполагаемого нападения на новгородских данников в период княжения Святослава [Петрухин 2009: 113; выделено автором — А. Г.].

Вполне обоснованно П. В. Петрухин отмечает также непоследовательность в трактовке издателями слов и дане Ѡали людье, которые, вопреки переводу в [ДНД₁: 296] (‘и [его] люди отняли дань’), интерпретируются в [НГБ, 10: 24] в том смысле, что люди Андреева мужа ‘брали дань в его пользу’. Такое понимание фразы производно от представления о том, что “заволочане «принимают» мужа от Андрея, то есть признают право Андрея собирать с них дань” [ДНД₁: 296]. Но, как верно замечает П. В. Петрухин, предполагаемая таким образом свобода смердов решать, кому им следует платить дань, выглядит для своего времени маловероятной. Необходимо признать, что “люди”, кем бы они ни были, не собрали новую дань, а отняли у Саввы ту дань, которую он к тому времени уже собрал: ведь к тому моменту, когда Савву оставили его люди, тем надлежало собрать только остаток (*остать*) дани.

Однако проблемы с интерпретацией данного фрагмента возникают и у самого П. В. Петрухина. Воинственность смердов, заключающих под стражу новгородских “мужей”, вызывает не меньше сомнений, чем их свобода определять, кому платить дань. Ссылка на то, что смерды могли участвовать в военных действиях (например, в 1015 г.), не кажется убедительной, поскольку такое участие совсем не предполагает той степени самоорганизации, которую П. В. Петрухин готов допустить в данном случае⁴.

Трактовка спорного пассажа П. В. Петрухиным встречает и лингвистическое затруднение. Во всех без исключения летописных примерах употребления *прияти* в значении ‘задержать, арестовать’, которые приводит исследователь, этот акт производится в месте, где его субъект пребывает постоянно: новгородцы задерживают князей (княжичей, княгиню), не давая им уйти из города; киевские и владимирские князья задерживают новгородских послов, не отпуская их назад в Новгород и т. д. В случаях же, где арест, взятие под стражу осуществляется на чужой или нейтральной территории, летопись последовательно употребляет бесприставочную форму *яти*. См., например:

Побѣдиша Всѣслава на Немизѣ. Томъ же лѣтѣ я ша и на Рши [НПЛ, 1215 г., л. 4 об.; здесь и далее разрядка наша. — А. Г.];

и бишася за Калакшею, и ту побѣдиша рязанце, и я ша а князя Глѣба и съ сыномъ и Мьстислава съ братомъ Яропѣлкомъ [там же, 1176 г., л. 40 об.].

Особенно показателен контекст, в котором встретились формы обоих глаголов: *прияша* — обозначая задержание в Новгороде, *яша* — вне его:

а Святославлюю пр и я ша а Новѣгородѣ съ лучшими мужи, а самого Святослава я ша а на пути смолняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ монастыри, якоже и жену его Новегородѣ у святое Варвары въ монастыри, жидуше оправы Яропѣлку съ Всѣволодомъ [НПЛ, 1139 г., л. 20].

При этом *яти* может употребляться вместо *прияти* (как в следующем примере), но не наоборот:

И услышаша Новѣгородѣ, яко Святопѣлкѣ идетъ къ нимъ съ всѣми людьми ихъ, и я ша а Ростислава, и всадиша въ епископѣль дворь, сѣдѣвша 4 мѣсяци [НПЛ: 1142 г., л. 22 об.].

Таким образом, глагол *яти* выступает как немаркированный выразитель значения ‘арестовать’, тогда как как *прияти* используется в значении

⁴ Структурную и отчасти содержательную параллель к фразе о смердах, “приявших” новгородских мужей, П. В. Петрухин видит в летописном известии 1323 г. “Того же лѣта заратишася устюжане с новгородци, изымаша новгородцевъ, кто ходилъ на Юргу, и ограбиша ихъ” [НПЛ: л. 163]. Однако “изымавшие” новгородских данников “устюжане” — отнюдь не местные плательщики дани, а жители Устюга, бывшего на севере опорой ростово-суздальских князей.

‘задержать (у себя), не отпустить’. *Прияти* в смысле ‘задержать’ можно было того, кто пришел к тебе, но не того, к кому ты пришел сам. Это неудивительно, поскольку та же пространственная ориентация характеризует и основное значение глагола (‘принять к себе’). На этом фоне связка *пришли* [. . .] *прияли*, если трактовать ее так, как это делает П. В. Петрухин, была бы исключением из правила. Можно, конечно, возразить, что погост, куда пришли смерды, был для них “своим” и что они действовали на своей (в широком смысле) территории, не давая новгородским “мужам” покинуть ее с собранной данью, но это соображение не отменяет чисто лексической несовместимости *прити* и *прияти* в значении ‘задержать’.

Еще одна трудность, с которой встречается трактовка П. В. Петрухина, отмечена им самим: во фразе и дане Ѡали людие последнее слово, если понимать под ним смердов, оказывается синтаксически избыточным. П. В. Петрухин [2009: 120] объясняет повтор подлежащего тем, что “фраза по смыслу распадается на две части: сначала сообщается о приходе смердов, а затем о том, что они сделали; подлежащее повторяется в обеих частях”. Но такая же смысловая “двухчастность” характеризует множество летописных контекстов с однородными сказуемыми, в которых никакого повтора подлежащего нет; параллелей же, которые бы подтверждали такое объяснение, П. В. Петрухин не привел. Трудно согласиться и с тем, что порядок “предикат + субъект” во фразе и дане Ѡали людие выглядит странным при допущении смены субъекта действия [там же: 115] — для НПЛ такое построение фразы вполне обычно, ср., например, под 1164 г.: “Придоша Свье подъ Ладугу, и по жь г о ш а л а д о ж а н е хоромы своя, а сами затворишася въ градъ” [НПЛ: л. 32 об.].

П. В. Петрухин настаивает на том, что “люди”, отнявшие дань у Саввы и его “мужей”, — это сами смерды, пришедшие “от Андрея”. Он считает, что “людьми” грамота называет местное население, платящее дань, а “мужами” — собирающих ее данников-дружинников. Такое понимание распространяется им и на первую фразу грамоты (оставили ма были людье). Исследователь солидаризируется с комментарием в [НГБ, 10: 24], согласно которому эту фразу “вряд ли [. . .] следует понимать как сообщение о бегстве от Саввы его помощников [. . .] Возможно, речь идет об отказе местных «людей» выплачивать обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать «до осени»”. Такая трактовка, на наш взгляд, более чем сомнительна. Если глаголами *исправити* (в данном случае ‘взыскать, собрать’), *послати* и *отбыти* обозначены действия местного населения, то что в таком случае остается на долю новгородских данников, ходивших за Волок, как известно из летописи, весьма внушительными отрядами? Гипотеза П. В. Петрухина

отводит им в тексте на удивление скромную, если не жалкую роль “мужей”, у которых отняли дань воинственные смерды; в письме, обращенном к “братии и дружине”, это не может не удивлять. Куда более адекватным социальной реальности эпохи выглядит распределение ролей, предполагаемое комментарием в [ДНД₂: 350, 351]: упоминаемые в грамоте “люди” — это, с одной стороны, находящиеся под началом Саввы новгородские данники, большая часть которых в какой-то момент покинула его (именно их возможные претензии может иметь в виду фраза постскриптума: аче ли ти братье вины людье на ма не ищѣтъ), а с другой — люди Андреева мужа, отобравшие у Саввы собранную им дань; смердам же в этом раскладе принадлежит хотя и существенная, но все же пассивная роль.

Загадочным остается в рамках гипотезы П. В. Петрухина и статус Андрея. Сам П. В. Петрухин оставляет его непроясненным: “либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина” [2009: 119]. Однако по отдельности каждая из этих возможностей либо противоречит тому, что известно о социально-административной организации Новгородской земли, либо заставляет предполагать такие черты этой организации, которые не подтверждаются никакими другими фактами и представляют собой чистые догадки. Представителем новгородской администрации на отдаленных окраинах Новгорода, по идее, и должен был выступать человек, осуществлявший сбор дани в соответствующем районе, каковым в нашем случае — официально или нет — является Савва. Новгородские вотчинники-бояре, как известно, не жили в своих отдаленных вотчинах, но постоянно проживали в Новгороде, и это обстоятельство лежало в самой основе экономического устройства Новгородской земли; да и предполагать существование боярских вотчин за полярным кругом (где, как показывает упоминание о песках, разворачивались события грамоты) нет никаких оснований. О “местных старейшинах”, с которыми приходилось иметь дело новгородским данникам на таких территориях, мы знаем разве что по рассказу статьи НПЛ под 1193 г. о походе новгородцев на Югру, упоминающей “югорского князя”, но совсем не похоже, чтобы такой “старейшина” мог носить имя Андрей.

Как видим, трактовка грамоты № 724, предложенная П. В. Петрухиным, вызывает не меньше вопросов, чем критикуемая им — во многом справедливо — интерпретация издателей. Это заставляет искать такого объяснения ситуации грамоты, которое было бы свободно от противоречий и натяжек, свойственных двум конкурирующим гипотезам. Такое объяснение, на наш взгляд, может быть предложено. Ключ к нему дает еще одна, до сих пор не учитывавшаяся возможность истолкования глагола *прияти* в наиболее сложном для интерпретации фрагменте грамоты.

Значение, которое мы имеем в виду, может быть определено как ‘взять с собой (в качестве официального лица)’. Оно со всей определенностью выступает в грамоте № 615 [ДНД₂: 498–499]:

+ поклананіе · ѿ ла{ха}ха · къ фларєви · исправи
 лъ ли еси · десать гривенъ : на русилъ · съ микулоу
 послѣ семо · или еси не исправилъ · а исправи
 и кланаяса · а дьцьскіи приима

Перевод:

Поклон от Ляха Фларю. Если ты получил с Русилы (*или*: Русила) десять гривен, с Микулой пошли [их] сюда. Если же не получил, то получи, прошу тебя, причем взявши детского.

В том же значении был употребим и глагол *пояти*, фиксируемый в аналогичном контексте в грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого: А дае Лоуцѣ. Оли нь водаси, то а 8 коназа поема отроко прижь приеду, а во боле ти вонидь ‘Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и вместе [с ним] приеду — это тебе станет в большую сумму’ [ДНД₂: 346]. Заметим: “появ” у князя отрока, автор грамоты собирается явиться к должнику *приже*, то есть имея этого отрока *при* себе (см. об этом наречии: [ДНД₂: 346]), с чем может быть связано и варьирование *пояти* / *приятѣ*. Использование отрока или детского придавало процедуре взыскания долга официальный, а при необходимости — и насильственный характер.

Подставив данное значение в контекст грамоты № 724, мы можем следующим образом понять суть происшедшего. После того, как полномочия Саввы в качестве новгородского данника были дезавуированы Захарией (в связи с чем его покинула большая часть находившихся с ним людей), местные смерды, обеспокоенные тем, что заплатили дань самозванцу, явились к Савве, чтобы потребовать выплаченную дань назад. Но они пришли не одни, а в сопровождении Андреева мужа, к которому обратились как к представителю власти. Действуя вполне официально, люди Андреева мужа отобрали у Саввы собранную дань, вернув ее смердам или оставив дожидаться, пока за ней явятся те, кто был на это уполномочен.

При таком понимании роли Андреева мужа ничто не мешает идентифицировать его патрона с Андреем Боголюбским. Более того, эта роль как нельзя лучше соответствует той ситуации согласия между Новгородом и Суздалем, которая, как верно отмечает П. В. Петрухин, характеризовала период второго княжения в Новгороде Святослава Ростиславича. В предлагаемой трактовке действия мужа Андрея и его людей не только не заключают в себе ничего враждебного в отношении Новгорода, но напротив, помогают новгородской администрации достичь ее цели — не дать Савве собрать дань. В условиях возникшего

административного вакуума смерды обращаются к представителю союзного Новгороду суздальского князя, и тот помогает им защитить свои интересы⁵. Вспомним, что в 1136 г. одно из обвинений, предъявленных новгородцами Всеволоду Мстиславичу, заключалось в том, что он “не блюдет смердъ” [НПЛ: л. 17]. В данном случае Андрей Боголюбский, через своего мужа, содействует Новгороду в таком “блюдении”. Не исключено, что сказанные под клятвой (*въ вѣре*) слова Захарии — Не дайте Савѣ ни одного песца хотя на нихъ емати, самъ въ томъ — были обращены, в частности, к суздальским агентам в Заволочье.

Предполагаемая “кооперация” новгородских властей в лице посадника с посланцем суздальского князя в Заволочье находит яркую параллель в рассказе нпл о событиях 1219 г., связанных с походом новгородского отряда на Тоймокары, т. е., на Северную Двину, в Заволочье. В издании этот рассказ передан в следующем виде (текст Синодального списка, с разночтениями из младшего извода):

Поиде тоя зимы Съмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозѣ свою землю; и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша Твърдислав и Якунь тысячьскыи, засли [заслаша] къ Гюргю, не пусти [пустити] ихъ туда; и възвадиша городъ. Тъгда отъяша посадничьство у Твърдислава и даша Смену Борисовицу, а тысяцьское у Якуна и даша Семьюну Емину [НПЛ: л. 91 об.].

В [НГБ, 10: 25] начало этого рассказа приводится как один из примеров противостояния Новгорода и Суздаля в Заволочье. П. В. Петрухин [2009: 113], говоря о неактуальности такого противостояния для времени княжения в Новгороде Святослава Ростиславича, замечает, что в 1219 г. действия суздальских князей имели особую мотивацию, будучи своего рода отголоском битвы на Липице в 1216 г., в которой Юрий и Ярослав были разбиты новгородцами. Почему-то ни он, ни издатели не обратили внимания на продолжение рассказа; между тем, как параллель к грамоте № 724, именно оно представляет первостепенный интерес.

Пунктуация в издании НПЛ содержит ошибку: после *замыслиша* должно стоять двоеточие, так как следующая фраза передает содержание слухов, распущенных по городу вернувшимися данниками. За написанием *засли* можно предполагать исходное чтение *заслали*, измененное в младшем изводе в *заслаша*; *пусти* (написанное с выносным *с*) может быть как сокращенной записью инфинитива *пустити*, так и формой

⁵ В том, что муж Андрея находился там же, где собирал дань Савва с его людьми, нет ничего удивительного. Сообщение нпл о событиях 1169 г., когда новгородцы в Заволочье взяли дань не только “на своих смердах”, но и на суздальских, показывает, что те и другие могли проживать на одних территориях, где действовали как суздальские, так и новгородские данники.

императива. Исходный вид центрального фрагмента реконструируется, таким образом, следующим:

и замыслиша: Твѣрдислав и Якунъ тысячьскыи заслали къ Гюргю: “не пусти ихъ туда”; и възвадиша городъ. ‘И стали думать: [это] Твѣрдислав и тысяцкий Якун послали к Гюргию, [говоря]: “не пусти их туда”; и возмутили город.

Независимо от того, были ли обоснованными подозрения Семьюна и его спутников, очевидно, что возмутившая город весть звучала правдоподобно; следовательно, такой сценарий был в порядке вещей. Утверждалось же следующее: посадник Твѣрдислав и тысяцкий Якун послали к Юрию Всеволодовичу, чтобы тот не пустил в Заволочье Семьюна Емина с его людьми. Вряд ли такая просьба могла обосновываться чем-то иным, кроме как утверждением об отсутствии у Семьюна официального мандата на сбор дани. *Mutatis mutandis*, это сильно напоминает события, о которых повествует грамота № 724. Разница в том, что в 1219 г. вызванное обращением из Новгорода препятствование суздальских князей деятельности новгородских данников заключалось в недопущении их в Заволочье, а не в отборе уже собранной там (якобы незаконно) дани.

Принципиально важно, что в 1219 г. в основе конфликта лежало столкновение интересов конкурирующих боярских группировок: Твѣрдислав Михалкович представлял боярство Прусской улицы и Людина конца, тогда как Семьюн Емин, судя по его связи с Семеном Борисовичем, был связан с Торговой стороной [Янин 2003: 187]. Аналогичным образом к противоборствующим кончанским группировкам принадлежали посадник Захария и Савва: первый проживал в Неревском конце [Зализняк 1993: 182–185; Янин 2003: 166–167], тогда как второй — на Прусской улице. Значение последнего обстоятельства отмечено В. Л. Яниным:

Адресаты письма находились на Прусской улице, одна из усадеб которой и исследовалась в Михаилоархангельском раскопе. Между тем расправа с посадником Захарией в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгоняемого князя Святослава Ростиславича, который вступил в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Саввы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывали их главные противники [НГБ, 10: 25].

Нужно только уточнить, что Святославу Ростиславичу не было необходимости вступать в союз с Андреем Боголюбским в 1167 г., поскольку он, как уже было сказано, еще в 1161 г. вторично сел в Новгороде с его санкции.

Очевидно, именно соперничество территориальных боярских кланов, а не противостояние князя и посадника или Новгорода и Суздаля,

было главной пружиной конфликта, описанного Саввой в его письме⁶. В этом смысле можно констатировать вместе с В. Л. Яниным, что “грамота № 724 разъяснила причины новгородского политического переворота 1167 г.” [НГБ, 10: 25].

В свете уже сказанного должна быть по-новому осмыслена и роль, которую в ситуации грамоты № 724 играет Тудор с его “дружиной”. Согласно П. В. Петрухину, форма *высягли* обозначает действие, противоположное названному формой *прияли*: “мужи” Саввы были задержаны, взяты в плен, но восемь из них, во главе с Тудором, из плена бежали. Эта версия кажется логичной и потому привлекательной. Она опирается на перевод А. А. Зализняка, допускающего на основе западнославянских параллелей, что *высягнути* значило ‘выйти за пределы, вырваться’ [ДНД₂: 354]. Приводимое А. А. Зализняком как возможная альтернатива объяснение А. Де-Влаама, предложившего трактовать *высягути* как антоним к глаголу *присягнути*, означающий ‘выйти из повиновения’, ‘сложить с себя присягу’, П. В. Петрухин отвергает по ситуативным и лингвистическим соображениям. С одной стороны, он находит это решение совсем не подходящим к контексту:

Ведь тогда получается, что Савва печется о благе людей, которые предали его, изменив присяге! Это уже чрезмерная степень альтруизма для начальника дружины. Кроме того, не вполне адекватным оказывается и поведение самой “восьмерки” Тудора: сложив с себя присягу, они вместо того, чтобы переметнуться на сторону Андреева мужа, отправляются напрямик к “братьям и дружине”, где их может ожидать неприятная “тягота” [Петрухин 2009: 115].

С другой стороны, как отмечает П. В. Петрухин, ссылаясь на исследование А. Золтана, “древнерусский глагол *присящи, присягнути / присязати* ‘прикоснуться’ не имел современного значения ‘принести присягу’” [там же]⁷: последнее, как и слово *присяга* в современном значении, получает распространение в великорусском русском языке лишь в XV в., под западнорусским влиянием.

⁶ Ту же природу, по всей вероятности, имели и противоречия, ставшие причиной истребления новгородских данников, ходивших на Югру в 1193 г. Возглавлявший поход воевода Ядрей (отец будущего архиепископа Антония — Добрыни Ядрейковича) принадлежал к боярству Неревского конца, тогда как обвиненный в предательстве Савка (Савица), отождествляемый с владельцем сгоревшего в 1194 г. “Савкина двора”, был, судя по местонахождению последнего на Ярышевой улице, жителем Людина конца, как и другие участники похода, обвиненные новгородцами в измене и убитые на обратном пути (см. об этом подробно: [Гиппиус 2009, 189–192]). Рискую быть уличенным в “монопросопомании”, замечу, что мне совсем не кажется невероятным, что летописный Савка/Савица и Савва грамоты № 724 — это один человек, ходивший за данью в Заволочье на протяжении нескольких десятков лет; в середине 1160-х гг. ему могло быть около тридцати пяти лет, а в 1193 г. — за шестьдесят.

⁷ См. статью А. Золтана [2002: 791].

Казалось бы, значение глагола *высягнути* устанавливается таким образом однозначно, но это не так. Между значением ‘вырваться, бежать’ и значением ‘выступить за край, выдаться’, которое имеют приводимые А. А. Зализняком славянские параллели (польск. *wysięgnąć*, в.-луж. *wusahnuć*), имеется принципиальная разница. Выступить за край предмет может, лишь находясь основным своим объемом в пределах, ограниченных этим краем. Значения же, приписываемые древнерусскому слову, этому условию не удовлетворяют: они предполагают, что объект полностью покинул место своего исходного пребывания.

Альтернатива, предложенная А. Де-Влаамом, кажется, напротив, вполне жизнеспособной, но нуждается в существенном уточнении. Значение ‘выйти из повиновения’ у *высягнути* совсем не обязательно связывать с нарушением присяги: в нем можно видеть параллель к переносному употреблению глагола *выступить*, которым неслучайно переводятся западнославянские лексемы. В русских источниках глаголы *выступити(ся)* / *выступати(ся)* с XIV в. фиксируются в значениях ‘преступить, нарушить что-либо’, ‘выйти из подчинения’; см. особенно пример из духовной Дмитрия Донского: а вы, дѣти мои, слушайте свое мѣри во все(м) изъ ее воли не выступаитеся ни в че(м) [СДРЯ 1989: 256]. В современном литературном языке то же значение проявляется в производном *выступление* (*народные выступления*); ср. также жаргонное *выступать* ‘вызывающе себя вести, задиаться’. Учитывая семантический параллелизм приставочных образований от *сачи* и *стоупити*, исходно обозначающих прикосновение рук и ног (ср. *досячи* / *досягнути* — *доступити*, *посячи* / *посягнути* — *поступити* и др.), предполагать то же значение и у *высячи* / *высягнути* есть все основания.

Можно думать, что произошло следующее: когда приведенные смердами люди Андрея потребовали от Саввы отдать собранную им дань, “восьмерка” Тудора не подчинилась, *выступила* против этого. В таком случае становится ясен как характер обвинения, которое, как считает Савва, может ожидать Тудора в Новгороде (он оказал сопротивление Андрееву мужу, действовавшему в интересах новгородской власти), так и то, почему Савва так радеет о нем: Тудор и его люди не просто не изменили Савве — именно они-то и сохранили ему верность, оставшись со своим предводителем, когда его покинула большая часть дружины, и в критический момент встав на его защиту. Предлагаемая трактовка объясняет и еще одно немаловажное обстоятельство: она позволяет думать, что именно Тудор, который никуда не бежал и находился с Саввой в момент написания им письма, и привез это письмо в Новгород, “к братии и дружине”. С точки зрения прагматики, грамота входит таким образом в круг документов, содержащих просьбу о содействии доставившему письмо лицу.

Подведем итоги. Критика предложенной В. Л. Яниным и А. А. Зализняком трактовки грамоты № 724, высказанная П. В. Петрухиным, высветила слабые стороны интерпретации и в этом смысле стала важным шагом вперед в изучении грамоты. Однако, отказавшись от отождествления Захарии и Андрея с посадником Захарией и Андреем Боголюбским, П. В. Петрухин, на мой взгляд, выплеснул ребенка вместе с водой. Это отождествление не было следствием соблазна увидеть в персонажах грамоты известных исторических лиц. Слишком много факторов, повышающих вероятность идентификации, сошлись здесь вместе: это и отождествление пары с парой; и относительная редкость имен (достаточно сказать, что в грамотах раннедревнерусского времени имя Андрей, помимо данного документа, не встретилось ни разу); и упоминание Андрея Боголюбского в новгородской летописи именно как Андрея, без отчества; и “летописный” масштаб описанных в грамоте событий. Это кажется достаточным, чтобы в поисках непротиворечивой интерпретации грамоты не выходить, насколько возможно, за исторические рамки, заданные при ее публикации. Как мы попытались показать, такая возможность существует, и ее использование позволяет избежать недостатков двух конкурирующих гипотез, синтезировав их преимущества. В этой синтетической трактовке грамота № 724 сохраняет тот исторический масштаб, каковой предположили за ней издатели. В Захарии и Андрее мы продолжаем видеть новгородского посадника 1161–1167 гг. и “самодержца” Северо-Восточной Руси, однако отношения между ними предстают уже не как конфронтация, а как партнерство, что намного лучше согласуется с летописными данными. Что же касается автора грамоты Саввы, то в нем можно видеть фигуру ранга Даньслава Лазутинича или Семьюна Емина, водивших “за Волок” дружины в несколько сот человек.

Библиография

Гиппиус 2009

Гиппиус А. А., “Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии”, в: А. Е. Мусин, отв. ред., *Хорошие дни. . . : Сборник памяти А. С. Хорошева*, С.-Петербург, 2009, 181–198.

ДНД₁

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 1995.

ДНД₂

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.

Живов 2006

Живов В. М., *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006.

Зализняк 1993

Зализняк А. А., “О вероятной связи ряда персонажей берестяных грамот с несколькими историческими лицами XII и начала XIII в.”, в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*, Москва, 1993, 182–185.

Зализняк, Янин 2013

Зализняк А. А., Янин В. Л., “Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг.,” *Вопросы языкознания*, 34, 2013, 3–16.

Золтан 2002

Золтан А., “Пути проникновения западнорусской лексики великорусский деловой язык в XV в.,” в: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, сост., *Из истории русской культуры*, 2/1: *Киевская и Московская Русь*, Москва, 2002, 766–804.

НГБ, 10

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование*, Москва, 2000.

НПЛ

Насонов А. Н., ред., *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград, 1950.

СДРЯ 1989

Словарь древнерусского языка XI–XIV в., 2, Москва, 1989.

Петрухин 2009

Петрухин П. В., “К изучению новгородской берестяной грамоты № 724,” *Русский язык в научном освещении*, 1 (17), 2009, 109–126.

Янин 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2003.

References

Gippius A. A., “Arkhiiepiskop Antonii, novgorodskoe letopisanie i kul't sviatoi Sofii,” in: A. E. Musin, ed., *Khoroshie dni. . . : Sbornik pamiati A. S. Khorosheva*, St. Petersburg, 2009, 181–198.

Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaiia pervaiia letopis' starshego i mladshego izvodov*, Moscow, Leningrad, 1950.

Petrukhin P. V., “K izucheniiu novgorodskoi berestianoi gramoty № 724,” *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1 (17), 2009, 109–126.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd edition, Moscow, 2003.

Zalizniak A. A., “O veroiatnoi svyazi riada personazhei berestianykh gramot s neskol'kimi istoricheskimi litsami XII i nachala XIII v.,” in: V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*, Moscow, 1993, 182–185.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 1995.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd edition, Moscow, 2004.

Zalizniak A. A., Yanin V. L., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, Moscow, 2000.

Zalizniak A. A., Yanin V. L., “Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2011 i 2012 gg.,” *Voprosy iazykoznanii*, 34, 2013, 3–16.

Zhivov V. M., *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006.

Zoltán A., “Puti proniknoveniia zapadnoruskskoi leksiki velikoruskii delovoi iazyk v XV v.,” in: A. F. Litvina, F. B. Uspenskij, eds., *Iz istorii russkoi kul'tury*, 2/1: *Kievskaiia i Moskovskaiia Rus'*, Moscow, 2002, 766–804.

Алексей Алексеевич Гиппиус, доктор филол. наук, член-корр. РАН

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,

профессор Школы филологии

105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

Россия/Russia

agippius@mail.ru